

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 61. «И всё сильнее притяженье Неба»

Выпуск № 68

Лариса Миллер

Есть удивительная брешь
В небытии, лазейка меж
Двумя ночами, тьмой и тьмой,
Пробоина, где снег зимой
И дождик осенью; пролом,
Куда влетел, шурша крылом,
Огромный аист как-то раз,
Неся замороженных нас.

1981

Иннокентий Анненский

На пороге

(Тринадцать строк)

Дыханье дав моим устам,
Она на факел мой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла, – и холодом пахнуло
По древожизненным листьям.

С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить всё жарче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придёт – меня не будет.

Даниил Андреев

Без заслуг

Если назначено встретить конец
Скоро, – теперь, – здесь –
Ради чего же этот прибой
Всё возрастающих сил?

И почему – в своевольных снах
Золото дум кипит,
Будто в жерло вулкана гляжу,
Блеском лавы слепим?

Кто и зачем громоздит во мне
Глыбами, как циклоп,
Замыслы, для которых тесна
Узкая жизнь певца?

Или тому, кто не довершит
Дело призванья – здесь,
Смерть – как распахнутые врата
К осуществленью *там*?

1950

Выпуск № 574

Лариса Миллер

Мир мал и тесен – просто жуть.
И мнившийся столь долгим путь
Ничтожно мал. Не путь – огрызок,
И узок он и финиш близок,
Он меньше строчки в букваре.
Сменилась дата в январе,
И вроде даже век сменился,
Но путь, увы, не удлинился,
Он так же узок, так же мал,
Как тот диванчик, где дремал
Лизочек, нацепив штанишки
Из тонких крыльев комаришки.

Сквозит старинный этот мир,
Протёртый, как штаны, до дыр,
Он на свету сквозит, как ветошь,
И не поможет даже ретушь.
Мир мал, а ямы велики,
Многообразны тупики,
Кругом царят большие числа,
А жизнь на ниточке повисла,
На тонкой ниточке одной,
Покуда кто-то за стеной
Поёт про малого Лизочка...
Какая дивная отсрочка!

2000

Осип Мандельштам

Стихи памяти Андрея Белого

Когда душе и торопкой и робкой
Предстанет вдруг событий глубина,
Она бежит виющеюся тропкой,
Но смерти ей тропина не ясна.

Он, кажется, дичился умиранья
Застенчивостью славной новичка
Иль звука первенца в блистательном собраньи,
Что льётся внутрь – в продольный лес смычка,

Что льётся вспять, ещё лентясь и мерясь
То мерой льна, то мерой волокна,
И льётся смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна, –

Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупнённых губ, для укреплённой ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

1934

Выпуск № 929

Ирина Ратушинская

В Италии барочны облака,
И Тибр тугими петлями ложится,
А с выпуклых холмов слетают птицы,
И каждая дуга божественно легка.
Откуда мне известны наперёд
Дождями полусмытая тропинка,
На солнечных часах проросшая травинка
И времени такой неспешный ход,
Как будто впереди все те века,
Что в эту землю врезали дороги.
И рано говорить об эпилоге,
Когда так бьётся каждая строка
И хочет жить...
В горах смеются боги.
А смерть не видит нас издалека.

1987

Арсений Тарковский

После войны

I

Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню
И, опираясь о кустарник, вкось
И вширь и вверх распространяет ветви,
Я вытянулся понемногу. Мышцы
Набухли у меня, и раздалась
Грудная клетка. Лёгкие мои
Наполнил до мельчайших альвеол
Колючий спирт из голубого кубка,
И сердце взяло кровь из жил, и жилам
Вернуло кровь, и снова взяло кровь, —
И было это как преображенье
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

II

Меня хватило бы на всё живое –
И на растения, и на людей,
В то время умиравших где-то рядом
В страданиях невыносимых, как Марсий,
С которого содрали кожу. Я бы
Ничуть не стал, отдав им жизнь, бедней
Ни жизнью, ни самим собой, ни кровью,
Но сам я стал как Марсий. Долго жил
Среди живых, и сам я стал как Марсий.

III

Бывает, в летнюю жару лежишь
И смотришь в небо, и горячий воздух
Качается, как люлька, над тобой,
И вдруг находишь странный угол чувств:
Есть в этой люльке щель, и сквозь неё
Проходит холод запредельный, будто
Какая-то иголка ледяная...

IV

Как дерево с подмытого обрыва,
Разбрызгивая землю над собой,
Обрушивается корнями вверх,
И быстрина перебирает ветви,
Так мой двойник по быстрине иной
Из будущего в прошлое уходит.
Вослед себе я с высоты смотрю
И за сердце хватаюсь.

Кто мне дал
Трепещущие ветви, мощный ствол
И слабые, беспомощные корни?
Тлетворна смерть, но жизнь ещё тлетворней,
И необуздан жизни произвол.
Уходишь, Лазарь? Что же, уходи!
Ещё горит полнеба за спиною.
Нет больше связи меж тобой и мною.
Спи, жизнелюбец! Руки на груди
Сложи и спи!

Приди, возьми, мне ничего не надо,
Люблю – отдам и не люблю – отдам.
Я заменить хочу тебя, но если
Я говорю, что перейду в тебя,
Не верь мне, бедное дитя, я лгу...

О эти руки с пальцами, как лозы,
Открытые и влажные глаза,
И раковины маленьких ушей,
Как блюдца, полные любовной песни,
И крылья, ветром выгнутые круто...

Не верь мне, бедное дитя, я лгу,
Я буду порываться, как казимый,
Но не могу я через отчужденье
Переступить, и не могу твоим
Крылом плеснуть, и не могу мизинцем
Твоим коснуться глаз твоих, глазами
Твоими посмотреть. Ты во сто крат
Сильней меня, ты – песня о себе,
А я – наместник дерева и неба
И осуждён твоим судом за песню.

1960

Выпуск № 1120

Осип Мандельштам

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг, –
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает,
Понемногу тает звук,
Всё чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь,

Как ты прежде шелестила,
Кровь, как нынче шелестишь.

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обречённая на сруб.

1922

Лев Болеславский

Чем мысль о неизбежности сильней,
Тем дух смиренней в завершенье дней.
Прими предел и не ропщи, не требуй,
Но ввысь взгляни и радостно замри!
Всё меньше притяжение Земли,
И всё сильнее притяженье Неба.

Зинаида Миркина

И вот уже не надо сил. —
Ты Сам меня остановил
Здесь, в замирающем лесу,
И прошептал: «Сам понесу
Теперь... Отдай Мне бремена,
Ведь сохранила тишина
Всё, из чего ты создана.
И эта ноша Мне легка.
Я не отдам ни волоска
Ветрам и водам и огню,
Я всё навечно сохраню.»

И расплелась душа моя
До первых нитей бытия,
Земной почувствовала край
И молвила: пересоздай.

1984

Выпуск № 241

Иннокентий Анненский

Ли́ра часо́в

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
Футляр их – и лиру качнул.

И, грубо лишённая мира,
Которого столько ждала,
Опять по тюрьме своей лира,
Дрожа и шатаясь, пошла.

Но вот уже ходит ровнее,
Вот найден и прежний размах.

.....

О сердце! Когда, леденя,
Ты смертный почувствуешь страх,

Найдётся ль рука, чтобы лиру
В тебе так же тихо качнуть,
И миру, желанному миру,
Тебя, мое сердце, вернуть?..

Александр Пушкин

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, –
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывёт в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...

Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

1823

Выпуск № 309

Осип Мандельштам

Довольно лукавить: я знаю,
Что мне суждено умереть;
И я ничего не скрываю:
От Музы мне тайн не иметь...

И странно: мне любо сознание,
Что я не умею дышать;
Туманное очарование
И таинство есть – умирать...

Я в зыбке качаюсь дремотно,
И мудро безмолвствую я:
Решается бесповоротно
Грядущая вечность моя!

1908-1909

Николай Гумилёв

На льдах тоскующего полюса,
Где небосклон туманом стёрт,
Я без движенья и без голоса,
Окровавленный, распростёрт.

Глаза нагнувшегося демона,
Его лукавые уста...
И манит смерть, всегда, везде она
Так непостижна и проста.

Из двух соблазнов, что я выберу,
Что слаще – сон иль горечь слёз?
Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбарю,
Явился в облаке Христос.

Он превращает в звёзды горести,
В напиток солнца жгучий яд,
И созидает в мёртвом хворосте
Никейских лилий белый сад.

1909

Выпуск № 519

Фёдор Сологуб

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, –
Один он идёт в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.

И дверь заскрипела протяжно, –
В неё не входили давно.
За дверью и тёмно, и влажно,
Высоко и узко окно.

Глаза привыкают во мраке, –
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.

Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков и ждёт,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесёт.

1897

Анна Ахматова

"Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.

Поседели твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звёзд не замечаешь, ни зарниц.

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра".

"Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.

Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озарённой стать".

И одна ушла, уступая,
Уступая место другой.
И неверно брела, как слепая,
Незнакомой узкой тропой.

И всё чудилось ей, что пламя
Близко... бубен держит рука.
И она как белое знамя,
И она как свет маяка.

Выпуск № 983

Анна Ахматова

Не оттого ль, уйдя от лёгкости проклятой,
Смотрю взволнованно на тёмные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, ещё влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет ещё таинственной могилы,
Где у креста, склоняюсь, в жары и холода,
Должна я ожидать последнего суда.

1917

Зинаида Миркина

Орфей

Как я хотел к тебе! О, как
Я должен был тебя дозваться!
И как я пел! Ведь дрогнул мрак,
И скалы стали расступаться.
И сами адские врата
Не выдержали, заскрипели.
И проступила Нагота
Того, что есть на самом деле,

Там *за* слезами, *за* тоской,
За иступленьем, *за* могилой,
Вдруг наступил такой покой,
Какого песня устыдилась.
И вот тогда явилась ты.
А у меня одно желанье:
Не тронуть этой Немоты,
А влить молчание в Молчанье.
Унять ненужный голос мой,
И боль мою... уже не больно...
Нет, не ко мне – к себе самой
Вернись, – и этого довольно.

1983

Выпуск № 529

Анна Ахматова

Голос памяти

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только – и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

1913

Лариса Миллер

Зачем сводить концы с концами?
Пускай они сплетутся сами.
Зачем насильно их сводить
В безукоризненную нить?
Пускай они висят свободно.
Переплетаясь как угодно,
То змейкой станут, то кольцом,
Переставая быть концом.
Кольцом неожиданным, новым кругом,
Ещё не вытоптаным лугом,
Ещё не скошенным цветком
И просто воздуха глотком.

1981

Зинаида Миркина

И тот цветок, который облетел,
Который сник посередине лета,
Ещё так свеж, так светоносно бел,
Ещё лишь только расцветает где-то...

И аромат... о, этот аромат,
Что вдруг наплыл и растворился сразу,
Ещё его внутри себя хранят
Те лепестки, укрытые от глаза...

И, может, огнекрылый серафим
Невидимый на нашем небосводе,
Как луч, который здесь уже незрим,
В иной стране вот в этот миг восходит.

Так значит ты... Ну да, вот так и ты...
Да разве ты могла совсем исчезнуть?
Тогда б сорвалось солнце с высоты,
И под ногами бы раскрылась бездна.

Но ведь пока ещё растёт сосна,
И заглянуть в мой дом берёза хочет;
И молча взгляд уходит из окна
Куда-то вглубь, в пространство белой ночи...

1983

Выпуск № 143

Афанасий Фет

На корабле

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычную стопую
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,

Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Её неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

Николай Клюев

Я говорил тебе о Боге,
Непостижимое вещал,
И об украшенном чертоге
С тобою вместе тосковал.

Я тосковал о райских кринах,
О берегах иной земли,
Где в светло дремлющих заливах
Блуждают сонно корабли.

Плывут преставленные души
В незатемнённый далью путь,
К Материку желанной суши
От бурных странствий отдохнуть.

С тобой впервые разгадали
Мы очертанья кораблей,
В тумане сумеречной дали,
За гранью слившихся морей.

И стали чутки к откровенью
Незримо веющих сирен,
Всегда готовы к выступленью
Из Лабиринта бранных стен.

Но иногда мы чуем оба
Ошибки чувства и ума:
О, неужель за дверью гроба
Нас ждут неволя и тюрьма?

Всё так же будет вихрь попутный
Крутить метельные снега,
Синеть чертою недоступной
Вдали родные берега?

Свирелью плачущей сирены
Томить пугливые сердца,
И океан лохмотья пены
Швырять на камни без конца?

1908

Выпуск № 445

Иннокентий Анненский

На северном берегу

Бледнеет даль. Уж вот он – день разлуки,
Я звал его, а сердцу всё грустней...
Что видел здесь я, кроме зла и муки,
Но всё простил я тихости теней.

Всё небесам в холодном их разливе,
Лазури их прозрачной, как недуг,
И той меж ив седой и чахлой иве –
Товарищам непоправимых мук.

И грустно мне, не потому, что беден
Наш пыльный сад, что выжжены листья,
Что вечер здесь так утомленно бледен,
Так мертвы безуханные цветы,

А потому, что море плещет с шумом,
И синевой бездонны небеса,
Что будет *там* моим закатным думам
Невозмогу их властная краса...

1904

Александр Блок

Ты уходишь от земной юдоли,
Сердца лучшего любовь тебе несут.
Страшных снов не жди от новой воли, —
Хоры ангелов, не смертных, припадут.

Припадут и снимут власяницы —
Символ здешних непомерных бед.
Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.

Покидай бессилье мироздания,
Твой покой теперь ненарушим.
Предо мною — грань богопознания,
Неизбежный сумрак, чёрный дым.

1901

Зинаида Миркина

Последний квартет Бетховена

Куда ведёт бескрайняя дорога?
В небытие, где жив лишь Бог один.
Прощаясь с миром, дотянусь до Бога,
Как луч закатный до немых вершин.
О, это приближенье в час прощанья!
Мы бесконечностью окружены.
Заброшенность в безмолвном океане,
Свечение открытой глубины...
Вселенских нитей узел — перепутье —
Тонки, как волос, нити бытия...
Прощаясь с миром, дотянусь до сути
И загляну за чёткие края.
Меня сейчас ушедшие позвали.
Последний час на этом берегу.
Прощаясь с миром, обниму все дали
И, наконец, весь мир вместить смогу.

2001

Выпуск № 1265

Бахыт Кенжеев

То могильный морозец, то ласковый зной,
то по имени вдруг позовут.
Аметистовый свет шелестит надо мной,
облака молодые плывут.

Не проси же о небе и остром ноже,
не проси, выбиваясь из сил, –
посмотри, над тобою сгустился уже
вольный шум антрацитовых крыл.

И ему прошепчу я, – души не трави
человеку, ты знаешь, что он
для насущного хлеба и нищей любви,
и щенячьего страха рождён,

пусть поёт о тщете придорожных забот,
земляное томит вещество –
не холоп, и не цезарь, и даже не тот,
кто достоин суда твоего...

Но конями крылатыми воздух изрыт,
и возница, полуночный вор,
в два сердечных биения проговорит
твердокаменный свой приговор.

Мария Петровых

Встреча

«Смерть...» – рассыпающийся звук.
Иль дроби молоточка вроде?
Не всё ль равно: смешно. И вдруг
Лицом к лицу на повороте.
Но только вздрогнула слегка.
Но только откачнула тело...
"Я думала, ты далека.
Тебя я встретить не хотела.
Твою поспешность извиня,

Я ухожу. – Следят за нами..."
Она смотрела на меня
Совсем прозрачными глазами.
Переливали тихий свет
Две голубеющие раны...
"Мне только восемнадцать лет.
Послушай! Это слишком рано.
Приди потом. Лишь горсть себя
В твой века позволь забросить.
Ты видишь: горький след скрепя,
Поэт не требует, а просит".
И я ждала, что вспыхнет в ней
Ещё не виданное благо.
Печальнее и холодней
Сквозила голубая влага.
И кто-то ей ещё сказал:
"Пусти меня. Другое имя –
Девятый вал, десятый вал –
С глазами справится твоими.
Их захлестнёт, затопит их..."
Но этот голос дрогнул странно
И, коченеющий, затих,
И повалился бездыханный...
Она прошла. Ушла совсем.
Лишь холодком в лицо пахнуло.
Рванулась я навстречу всем,
Со всеми вместе повернула.
И снова день скользит за днём.
И снова я скольжу за днями.
Мы никогда не отдохнём,
Пока не поскользнёмся к яме.
Я уважаю смерть и чту
Её бессмертные владенья.
Но я забыла встречу ту
С прозрачной голубой тенью.
А люди от меня бегут...
Бегущим от меня не верьте,
Что у меня в глазах, вот тут,
Запечатлелся облик смерти.
И что мой голос обожгло
Её дыханье ледяное...
Я знаю, людям тяжело,
Им тяжело дышать со мною...
И мне как будто бы опять...
Мне тоже начало казаться...

...Немного страшно засыпать
И очень страшно... просыпаться.

1927

Выпуск № 846

Афанасий Фет

Грёзы

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я и в грёзы погружен;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.

Я счастья жду, какого – сам не знаю.
Вдруг колокол – и всё уяснено;
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках. – Вот оно!

И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостней всех голосов земли;
И чувствую – на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз ещё вздохнуть
И, на волне ликующего звука
Умчась вдаль, во мраке потонуть.

1859

Лариса Миллер

В час небесного обвала
Всё, чего недоставало,
Вдруг польётся через край.
День обычный, догорай.
Завтра облачною лавой
Станет этот путь шершавый

И затопят облака
Эту землю. И рука
Тронет то, что только око
Смело тронуть. И «далёко»
Испарится. Только «здесь»
Нам оставив. Только днесь,
А не после и не где-то,
Будет здесь избыток света.
Будут звёзды и лучи;
И от райских врат ключи
Не нужны. Седьмое небо
Станет явственнее хлеба.
И на уровне ключиц
Будут крылья райских птиц.
И пройдёт томленье духа
Среди облачного пуха...
Но потянется рука
Отодвинуть облака,
Чтоб оставить хоть полшага
До немислимого блага.

1977

Осип Мандельштам

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.

Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце моё разорвите
Вы на синего звона куски...

И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,

Он раздастся и глубже и выше –
Отклик неба – в остывшую грудь.

1937